

*Войны начинают политики,
которые ненавидят свой народ,
а ведут простые солдаты,
убивающие невиновных.*

***Это не документальная повесть,
а дань автору Героическим Людям,
которые три дня стояли против
превосходящих сил противника,
не жалея
ни сил,
ни крови,
ни самой жизни.***

Двадцать шестого июля, когда запад принимал в гости сияющий диск солнца, на позиции прибыл взвод Медведя: шестнадцать солдат, вооружённых автоматами и пистолетами. Определённой воинской формы не было – кто одет в старую, оставшуюся с советских времён от отца или брата, кто в камуфляжную, которую продают на рынках. У каждого на правом плече серебряным цветом выделялся шеврон с изображением Георгия Победоносца, над которым золотыми буквами сияло название батальона «Восток».

С собою несли несколько ящиков патронов, чтобы пополнить запасы. Хотя в предыдущие смены стреляли мало, не могли сдержаться, чтобы не ответить противнику. Вместе со взводом на курган прибыли три расчёта: миномётчиков, пулемётный и зенитно-ракетный, несколько гранатомётчиков – всего тридцать пять человек.

31

Первые сутки дежурства прошли сравнительно спокойно. На курган то и дело залетали снаряды и пули, били по обелиску, оставляя на поверхности новые следы. Тридцатишестиметровый обелиск – хороший ориентир для пристрелки. Видно, не давали покоя украинским добровольцам из националистических батальонов памятник освободителям Донбасса и девятиметровая скульптура воина у подножия обелиска, со вскинутой кверху правой рукой с автоматом.

– Сто двадцатый!

– Не-а, сотка, – покачал головой Венька и добавил, смахивая с яблока песчинки. – У сто двадцатого звук надсадный такой, томный, словно ему лететь тяжело, а этот лёгкий, воздушный. Точно сотка.

– Ну да, как ты их различаешь?

Венька, по паспорту Вениамин Менчинский, молодой человек двадцати лет, бывший студент Донецкой музыкальной академии, а ныне рядовой второй роты. Лицо у него розоватое, только на щеках иногда вспыхивали алые пятна, вместо щетины – золотистый пушок. И глаза по-детски весёлые, голубые, с длинными, как у девушки, ресницами. Когда-то он ходил с пышной шевелюрой, теперь был пострижен почти под ноль. Венька удивлённо посмотрел на Семёныча.

– А что их различать? По звуку и так ясно. Во, – он поднял палец, – слышишь, из танка шандарахнули.

– Ну ты даёшь, танк ни с чем не спутаешь, – сказал собеседник и провёл по автомату шершавой ладонью.

– Вот точно так и миномёт, – ответил Венька, с хрустом откусывая от яблока и продолжая с набитым ртом: – Не перепутаешь.

– Ну да, – Семёныч всегда к месту или нет употреблял это прилипшее к губам «ну да», – я всё забываю, что ты у нас композитор и слух должен иметь, как у собаки, – посмотрел на младшего товарища озорным взглядом.

– Семёныч, сколько раз тебе повторять, – устало бросил Венька, – не композитор я, – и с тяжёлым вздохом добавил: – И никогда не стану.

– Ну да, мы ещё вспоминать будем, как с таким человеком в одном окопе сидели.

– Будешь, – улыбнулся кривой улыбкой Менчинский, – если живы будем.

– Что такой пессимизм? – вступил в разговор щуплый мужчина средних лет, к которому приклеилось прозвище Насреддин за солдатскую смекалку, проявленную месяц тому назад, когда он был одним из тридцати бойцов, захвативших военную часть, где располагалась Национальная гвардия в Донецке.

Тогда, в апреле – мае, создалась парадоксальная ситуация. Захваты правительственных зданий националистами на Западе страны рассматривались как волеизъявление народа, уставшего жить под управлением президента, успевшего в молодые годы поносить робу зека. Видите ли, население само решило отстранить от власти коррумпированных чиновников. Ко всему прочему, первый закон, который собиралась принять Верховная рада, очень походил на немецкий лозунг времён тридцатых годов. Только там звучало: «Германия для немцев», а здесь: «Украина для украинцев», притом что почти больше половины страны разговаривает на клятом москальском языке. На Восток смотрели иначе и воспринимали всю русскоязычную часть как некий аппендикс, который можно подавить силой.

Ещё не пришедшие к власти оппозиционеры, несколько месяцев мутившие воду на главной площади столицы, поспешили объявить: «Если сбежавший президент неконституционным образом самоустранился от осуществления конституционных полномочий и не выполняет свои обязанности, то Верховная рада, вопреки основному закону государства, устраняет его от должности». В первый же день, когда было принято

соглашение между действующими властями и митингующими о досрочных президентских выборах. Получается, что произошёл банальный вооружённый переворот, когда вторая сторона, подписавшая соглашение об урегулировании политического кризиса и не уверенная, что будет избрана легитимно, решила взять власть сейчас, пока не утихли страсти.

Не все остаются равнодушными к тому, что в родной стране захватившие опустевшие государственные кресла сразу же объявляют тебя лицом второго сорта, поэтому на Востоке митинги, как и на Западе, перешли к более решительным действиям. Назначенные губернаторами люди не допускались в правительственные учреждения, а народ, как недавно в Киеве, начал сам назначать главами городов и областей представителей, которым доверяет. Так как обстановка в столице оставалась напряжённой, назначенные протестующими новые власти на местах в Донецкой и Луганской областях объявили о проведении референдума по самоопределению Восточных областей.

Это был неожиданный шаг. В Киеве считали, что всё должно пройти тихо и гладко, ведь народ – стадо: куда поведёт пастырь, туда и пойдёт. Назначенный врио президента подписал указ об организации Национальной гвардии, которая должна стать опорой пришедших в результате вооружённого переворота заговорщиков, и вслед за этим объявил о крупномасштабной войсковой операции против русскоговорящего народа Донбасса. Власти были уверены, что задушат протесты в зародыше, но на деле оказалось иначе.

Жители восточных областей взялись за оружие, защищая родную землю.

Среди бойцов, штурмовавших здание Национальной гвардии в Донецке, был и Насреддин. Захват обошёлся без жертв с обеих сторон. Разоружённых украинских солдат распустили по домам, взяв слово не воевать против народа Донбасса.

Венька помнил, как в октябре или ноябре к ним в музыкальную академию зачастил один импозантный господин с пышной шевелюрой, добродушным лицом, вкрадчивым голосом и манерами мировой знаменитости. Вначале расписывал, как хорошо будет «горомадьянам» жить в свободной стране, когда она присоединится к Европейскому союзу. Всё будет по-другому, а уж страны заграничные так и ждут в свои объятия

украинцев. Тогда можно будет разъезжать где угодно, учиться в любом заведении, но почему-то умалчивал, что для этого надо иметь соответствующий достаток. Потом начал призывать присоединиться к протесту на площади Независимости, это, мол, самое что ни на есть свободное волеизъявление (которое, кстати, неплохо оплачивалось неизвестными спонсорами, ратующими за свободу «рідної країни» и готовыми отдать не только нажитое добро, но и самую жизнь – правда не свою, а протестующих). Речи вёл незнакомец такие убедительные, что Венька чуть было не купил билет в Киев, но потом пришло отрезвление – пан оказался обычным засланным провокатором, «працюючим за гроші».

Венька откусил от яблока очередной кусок и бросил огрызок в сторону противника, протёр тыльной стороной ладони рот, устремив голубые глаза на Насреддина.

– Это не пессимизм, а так, обычное ворчание. Вон эти, – указал большим пальцем за спину, – могут внести поправки в оптимистическое настроение. Сколько уже на это потратили патронов...

– Ну да, не только патронов, – дополнил Семёныч, пригладил рукой маленькую бородку, напоминавшую растительность вождя мирового пролетариата. Над впалыми глазами немолодого мужчины кустились густые, с белыми волосками брови. Кругловатое лицо добродушного увальня и всегда смеющиеся, даже в минуты раздражения, глаза, казалось, никогда не теряют жизнерадостности. – Венька, какого калибра недавно шараянул снаряд?

– Сотка, – ответил Венька. – Не так уж и большой.

– Ну да, если по нам начнут бить, то мало не покажется.

К разговаривающим подошёл командир взвода Медведь. Он и вправду походил фигурой на лесного зверя. С виду неуклюжий, но подвижный, никогда не демонстрирующий своей резкости. На круглом выбритом лице – улыбка, с правой стороны всегда приподнят уголок губ, словно с презрением относится к опасности. Видимо, осталось со времён Афганистана, где он участвовал в сорока трёх боевых операциях, за которые был награждён Красным Знаменем и Красной Звездой.

– Что, ребятки, приуныли? – спросил командир, сняв с головы камуфляжную военную кепку, и пригладил широкой ладонью волосы.

– Да вот, гадаем, – Венька затынулся сигаретой, – полезут сегодня ночью или спать будут?

– Это только Богу и укропскому начальнику ведомо. Но вы не расслабляйтесь, какое-то движение там, внизу, есть, – командир указал рукой на небольшую посадку в стороне Снежного, – хотя как обычно. Постреляют-постреляют и не полезут. Это ж надо быть полным идиотом, чтоб лезть на высотку, склоны которой обстреливаются обороняющимися и притом голые, как голова Наума.

Бойцы улыбнулись. Наум, бывший шахтёр лет тридцати пяти, постоянно брил голову, говоря, что волосы мешают думать.

– Так что дежурство пройдёт как всегда, но, – командир погрозил пальцем, – без расслабления.

– Это понятно, – подал голос Насреддин. – А что этот, – он кивнул в сторону обелиска, – докладывает?

– Говорит, что в той вон посадке, – Медведь посмотрел в сторону Снежного, – зашевелились. Так что, Веня, напряги свой музыкальный слух.

– Я... – Менчинский засопел.

В прошлое дежурство на кургане он так сладко заснул, что командир вначале обозлился на подчинённого, а потом сам до конца отстоял за Веньку на посту, после чего, конечно, нерадивый боец получил по полной программе. Урок пошёл на пользу.

– Да ладно, – подмигнул командир, – кто старое помянет... – потом тяжело вздохнул: – Дежурство по графику и никаких вольностей мне. Они, – он опять указал подбородком в сторону противника, – только и ждут наших ошибок.

Саур-Могилы возвышалась над степью курганом почти в триста метров высотой и была видна с расстояния в сорок километров. Поэтому оставалась хорошим наблюдательным пунктом. Семьдесят с лишним лет назад здесь проходили ожесточённые бои между фашистскими войсками, занимавшими господствующую высоту, и советскими, которые сделали попытку сбросить противника с вершины. Тогда всё удалось – конечно, не без потерь.

Теперь находящиеся на кургане наблюдали, как в километрах пяти из Григоровки по направлению к Мариновке и дальше в Луганскую область шла украинская бронированная техника, словно намеревались воевать не с взявшими в руки оружие шахтёрами, рабочими, учителями,

а с вооружёнными до зубов воинскими регулярными частями.

Обелиск из железобетона, поставленный полвека назад в память о кровопролитных боях, возносился над курганом ещё на тридцать шесть метров. Вершина стелы представляла собой площадку, обрезанную под углом сорок пять градусов. Вот на ней и лежал наблюдатель, который фиксировал проходящие колонны и вспышки выстрелов, давал сигнал вниз, чтобы бойцы успели спрятаться от летящего снаряда – время полёта было высчитано до секунды.

Вера, лежавший на площадке, наблюдал, как на блокпост украинцев, находящийся между Тараном и Дмитровкой, прибывают танки, как вертолётчики на низкой высоте барражируют вдоль дороги.

– Ребята, – сквозь шипение раздался голос Веры, – здесь к нам в гости две бээмпэхи прут. Надо бы их встретить, а то они словно на прогулку собрались.

– Встрэтым, – поднялся до того времени молчавший Грузин, получивший прозвище по национальности, хотя имел интернациональное имя – Георгий. Он действительно был грузином, уехавшим из родной страны, когда к власти пришёл Мишико Саакашвили и начались гонения на неугодных. Невысокого роста, коренастый, с чёрными жёсткими волосами, на вид молодой парень (на самом деле зимой отметил тридцать седьмой день рождения).

– Помощь нужна? – спросил кто-то, но Веняка не заметил кто.

– Я сам, – ответил Грузин и добавил: – У мэня ест, чэм их встрэтым, – и удалился.

– Ну да, пока наш славный Грузин занят делом, – Семёныч почесал нос, – укропский Аникавоин наставляет солдат: «Паны-солдаты, наша техника сделана по последнему слову науки и оснащена новейшим компьютером». – «Господин офицер, а у компьютера какая скорость?» – «Для особо бестолковых повторяю: компьютер движется со скоростью танка».

Все засмеялись.

– Читайте, теперь наш Георгий отправит в утиль два укропских агрегата – бээмпэху и компьютер... – сказал Веняка.

– И парочку терминаторов.

– Ну да, Веня, ты думаешь, у них компьютеры установлены?

– Не-а, – бывший студент покачал головой, – я думаю, до сих пор у них машины на педальном

ходу, они же коммерсанты, всё пустили на продажу.

– Ну да, даже страну, – с горечью добавил Семёныч.

БМП приблизились довольно близко, видимо, управляли ими только что прибывшие призывники, не испытывавшие на себе, что такое летящая пуля или снаряд. Вот и захотели показать удаль: мол, возьмём высоту с налёта.

Грузин отошёл подальше, чтобы звук выстрела не так ударил по ушам бойцам, сидящим рядом.

Ста метрами ниже находился первый пост, на котором несли дежурство трое – Камчатка, Савва и Дед, все из пулемётного расчёта. Заступившая смена три дня охраняла подступы к кургану, потом следующая. И так уже целый месяц. Никто из нынешней не считал, в который раз сидит в окопах или неработающем кафе у мемориала.

Никогда украинцы не бросали в атаку технику, а если и делали это, то как-то лениво, словно засевшие на вершине добровольцы их не беспокоили. Вроде бы наблюдают, но особого вреда не наносят. Дальнобойных пушек нет, а «пукалки», которые они имеют, могут напугать только местных ворон. Так считали командиры ВСУ.

37

Грузин не спешил, время ещё было. С почти трёхсотметровой высоты казалось, что по пересечённой местности перед курганом ползут два жука: один впереди, второй в нескольких десятках метров позади. «Прикрывает, что ли», – на родном языке промелькнуло в голове.

Грузин никогда не служил в войсках, учёбу проходил в образованном батальоне в боевых условиях. Лишних патронов и гранат не имелось, поэтому и навыки обретали сразу. Командиры взводов (а каждый из них в бытность свою был офицером ещё Советской армии) присматривались к добровольцам и уже сами отмечали, кто на что более способен. Медведь сразу подметил, что Грузин хорошо управляется с гранатомётом.

Георгий прицелился, прикинул скорость бронемашин, расстояние, которое БМП проедет за время полёта гранаты. Прикрыл глаза и отвернулся в сторону, за пару секунд отрешился от происходящего. Потом сжал одной рукой рукоять, вторая служила опорой. Посмотрел вниз на склон, прицелился, затаил дыхание и нажал на спуск. Граната рванула вперёд, Грузин смотрел ей в след. Теперь оставалось только ждать.

Граната ударила в борт БМП. Машина остановилась, словно уткнулась передней частью в бетонную стену. Вначале раздался один взрыв, потом второй, помощней. Видимо, сдетонировал боекомплект. Башня подлетела метра на два в воздух и тяжело рухнула, ствол пушки вошёл в землю. Голубоватая дымка начала распространяться от пылающего остова машины. Вторая БМП остановилась, потом начала на большой скорости отъезжать задним ходом, виляя из стороны в сторону, боясь попасть под гранату. Затем резко развернулась, как на «Формуле-1», и начала удаляться.

Вертолёт взял курс на курган, но тут же вернулся и полетел в прежнем направлении, вдоль дороги к Мариновке.

Грузин улыбнулся правым уголком губ.

– Не надо быть наглым, – прошептал Георгий на родном языке и выругался на русском, добавив: – Ми здэсь нэ в бирупки играем.

На нижнем посту Камчатка так и держал подбитую БМП на мушке, с улыбкой матернулся и сказал:

– Опередили. Кто ж там такой шустрый?

– Как кто? Будто не знаешь? – вопросом на вопрос ответил Савва.

– Грузин? – Снова то ли вопрос, то ли утверждение.

– Кто ж ещё? Сегодня он на посту.

– Добавить более ничего не могу, – Камчатка отвернулся от покрывающегося сумраком поля. – Полезут? – спросил в пустоту.

– Наверяд ли. Сегодня будут за покой души экипажа пить, не до нас будет.

– А вдруг?

– Отобъёмся.

Грузин с минуту полежал на месте, обозревая в бинокль окрестность, чтобы уточнить, не были ли действия БМП отвлекающим манёвром и не ползут ли украинские солдаты по балкам и оврагам на Саур-Могилу.

Но никакого шевеления.

Всё спокойно, будто там командиры не заметили, как поётся в песне, «потери бойца».

– Не расслабляться, – слышался голос Медведя, – за внешним спокойствием всегда таится опасность.

– Так тишина, – подал голос Венька.

– Вот именно, что тишина, – сжал губы командир, потом продолжил: – бээмпэху потеряли, а ни одного выстрела в нашу сторону, словно не

экипаж положили в поле, а букашку. Странно это, не похоже на них: то пуляют от нечего делать, то молчат, когда вроде бы наказать сепаратистов надо, – усмехнулся Медведь и потёр ладонью щёку.

– Что странного? В шоке они пребывают, – вставил всё тот же Венька.

– Твоими бы устами...

– А что, командир, сам же говорил о перехвате их разговоров, – напомнил молчавший Насреддин.

В первые дни, когда ополченцы заняли Саур-Могилу, помещение кафе использовали одновременно как штаб, казарму и место хранения боеприпасов. Тогда же рыли окопы, но за целый день углубились только на полметра. Земля твёрдая, каменистая, неподатливая. Захватили карты украинских солдат, а там курган был показан как занятый их частью. Первое время ни одна пуля и ни один снаряд не коснулись вершины, зато вслед за этим противник начал обрабатывать её не только минами, артиллерийским огнём, но и ракетами системы «Град». Перехватили радиogramму, над которой долго смеялись: «Мы их бьём, бьём, они каждые три дня по два КамАЗа трупиков вывозят, там их тьма – тысяча пять, наверное». Как говорится, у страха глаза велики. Тридцать человек, сменяющихся каждые три дня, приковали к вершине столько украинских сил, что хотелось думать, на других участках своим становится легче. Украинцы за увоз трупов принимали машины, которые привозили новую смену, забирая отдежурившую.

Подошёл Георгий.

– Молодец, Грузин, – похвалил Медведь, – с одного выстрела на таком расстоянии – не ожидал.

– Я сам нэ ожыдал, командыр, – засмутился Георгий.

– Не кокетничай, – улыбнулся командир. – Вот каждый бы так по одной машине и остались бы кропы без техники. Тогда бы посмотрели, на что они способны.

– Командир, – подошёл боец по прозвищу Кунашир, лет сорока, с угрюмым лицом, на котором редко появлялась улыбка.

Война накладывает свой неповторимый отпечаток на облик, человек становится как будто старше и серьёзнее. Шутки воспринимаются иначе, чем в гражданской жизни. Хотя Кунашир любил анекдотами развлекать сослуживцев, сам редко поддавался безудержному веселью.

35

– Что там?

– Наши передают, что в стороне Таранов, – Шикотан указал рукой на юго-восток, – и в Благодатном с Петровским, – рука переместилась в направлении юго-запада, – идёт скопление укропской техники. Видимо, к чему-то готовятся. Подходят не только танки, но и «Грады».

– Да не слушайте, братцы, вы этих паникёров. У украинцев тысячу раз была возможность повернуть против нас войска, а они вон по дороге на восток идут и идут. Мы ж как на ладони перед «сушками» и вертолётами, сравняли бы давно с землёй.

– А может...

– Ерунда, – отмахнулся Медведь, но потом улыбнулся и погрозил пальцем: – Вы только, братцы, бдительности не теряйте. Кто первым заступает на пост?

– Венька и Семёныч.

– У Семёныча глаз острый, а у Веньки слух, так что можно быть спокойными. А сейчас отдыхать. Утро вечера мудренее.

– Точно, командир. А вот у меня была учительница, так та говорила: «Даст Бог день, даст и пищу», – подмигнул Насреддин.

– Ты зубы не заговаривай. Марш отдыхать.

Ночь проходила без происшествий, в населённых пунктах мирно светились окна, словно нет никакой войны – просто вышли солдаты с командирами на полевые учения. Сейчас вернулись в дома, чтобы с утра снова заняться ратным делом.

В чёрной темноте ночи скрадывались звуки, и если кто-то шумел, то слышалось так, словно источник находится рядом. Венька облокотился о каменистую землю края окопа и не вглядывался в степь, а только слушал. В середине дежурства звуки стали отчётливее, слышался лязг железа, рокот моторов, но так далеко, что казалось – под тёмным небом, светящимся мириадами маленьких точек, никакого зла произойти не может. Вначале монотонность убаюкивала, но Венька старался не терять бдительности. Рядом в окопе сидел Семёныч.

– Ничего не слышишь? – обратился Венька.

– Ну да, а что? – шёпотом спросил, бросая себе под ноги окурки, старший товарищ.

– Ты послушай.

Семёныч прислушался, поднялся со дна окопа и так же, как Венька, облокотился на бруствер.

– Ну да, толком не разберу. Моторы, что ли, работают?

– Именно, – молодой человек подпёр рукой щёку, – по звуку вроде танковые, с надрывом воют.

– Ну да, теперь и я слышу, – вглядывался в темноту Семёныч, – собираются в кучу.

– Командиру надо доложить.

– Ну да, утром, а нынче пусть поспит. Весь день на ногах.

– Если на нас попрут?

– Ну да, – усмехнулся Семёныч, – укропы у немцев учились.

Он намекал на поведение фашистских войск в начале Отечественной войны, когда солдаты Вермахта воевали строго по расписанию: утром артподготовка, после неё – атака, обеденный перерыв, потом снова продвижение вперёд, а уж ночью – положенный восьмичасовой сон. Воевавшие украинские националисты, хотя больше подходит «усмирявшие собственное население», переняли манеру воевать у прежних сюзеренов – поэтому сейчас отдыхают.

– Возможно. А вдруг...

– Ну да, они сейчас скопом пойдут на курган. Кстати, ты не знаешь, что такое танк?

– Как что? – удивился Венька.

– Танк – это возбуждённый трактор.

Бойцы не слышали, как подошёл командир, слушавший разговор.

– Вот болтаете, – Медведь тронул что одно, что второго за плечи, – а враг подкрался бы сзади – и тью-тью, нету говорливых вояк.

– Командир, – тяжёло задышал Венька, – не пугай так больше.

– Как не пугать, если вас голыми руками брать можно...

– Ну да, – перебил Семёныч командира, – но бдительности не теряем.

– Вижу, как не теряете.

– Ну да, ты ж сам сказал, что у меня глаза, у Веньки уши. Вот и смотрим и слушаем.

– Хорошо. Что там? – кивнул подбородком на позиции противника.

– Могу сказать, что в стороне Таранов и Петровского происходит скопление техники, в основном танков.

– Как ты увидел?

– Сам же говорил, что у меня слух хороший.

– Понятно. Сейчас смена придёт, отдыхайте.

– А...

– Не думаю, чтобы до утра произошло что-то важное, – командир повернулся и пошёл к другому посту.

Было тепло, поэтому Венька после положенных часов бодрствования на посту остался под бескрайним небом. Подстелил спальный мешок из хет, что привезли во вторую смену дежурства, да так и оставили на кургане. Всё-таки лето перременчивое: сегодня солнце жарит, а завтра могут набежать тучи и станет неуютно под большими каплями, пусть даже и тёплыми.

Медведь прикрыл глаза от поднимающегося на горизонте солнца, пытался рассмотреть, что творится на дороге, но потом поднёс к глазам бинокль. Всё как обычно: начала движение бронетехника, выпуская небольшие тёмные клубы сгоревшей солярки. Кузова машин накрыты тентами, поэтому не понять, что под ним: то ли солдаты, то ли боеприпасы.

Начинался новый день необъявленной войны.

На стеле нёс вахту Кир.

– Что видно? – сквозь шум радиопомех услышал постовой голос командира.

– Вроде как обычно, – послышался ответ, – шевеление есть, но непонятное.

– Следи в оба.

– Обижает, командир, – Кир отключился.

– Что день грядущий нам готовит? – самому себе совсем тихо сказал Медведь, с минуту наблюдал в бинокль и пошёл в кафе выпить чаю.

За столом сидели Венька и Семёныч, перед ними паром исходили две железные кружки.

– Ну да, командир, чай будешь? – посмотрел на Медведя Семёныч.

– Не откажусь, – ответил, присаживаясь на стул. – Как смена прошла?

– Как всегда, в тишине и покое, – Венька взялся за ручку кружки, – где-то вдали были слышны моторы, по звуку похожие на танковые и бэмпэшные. А так всё спокойно.

– Нам настойчиво передают о скоплении техники в Таранах и Петровском. Вот не знаю, к чему это?

– Ну да. Думаешь на штурм пойдут? На танках на курган? – Семёныч достал ещё одну кружку и налил в неё свежезаваренный чай.

– Не знаю, – покачал головой Медведь, – но надо быть готовыми ко всему, – тяжело вздохнул.

– Ну да, это сомнительно, чтобы танки пошли в гору. Чуть что – и кувыркнутся, а быть мишенями у подножия кургана? – пришла очередь Се-

мёныча покачать головой. – Не думаю, что они там полные идиоты. Броня-то сверху башни слабая, наши гранатомётчики их сразу факелами сделают.

– Возможно, и так, – согласился командир, прихлёбывая из кружки чай.

– В первый раз, что ли? – подал голос Венька.

– Ну да, вот именно: что, в первый раз, что ли? Раньше они нас измором брали и снарядами с градами поливали, а сейчас могут солдатиков вперёд пустить.

– Они ж как на ладони? – не унимался Венька.

– Ну да, сразу видно, что ты не военный, – задумчиво произнёс Семёныч. – Ты правильно мыслишь: если будет серьёзная артподготовка, то наверняка надо ждать гостей.

– Вы не расслабляйтесь и за патронами подходите. Чувствую, что что-то назревает, – подытожил командир.

Без пяти двенадцать на стеле Кира сменил Наум. Не успел он поднести бинокль к глазам, как со стороны частей ВСУ раздался надрывный грохот, словно десятки орудий одновременно открыли огонь.

Наум успел подать сигнал.

Ополченцы спрятались в укрытие.

И начался суший ад.

Снаряды стодвадцатидвухмиллиметровых орудий ложились по вершине кургана. Складывалось впечатление, что стреляли новобранцы и выпускники училища, которые ещё не принимали участие в стрельбах. Но тем и опасен такой непредсказуемый обстрел. К пушкам присоединились «Грады».

От разрывов в воздух взлетали земляные бугорки цветов.

Первые же выстрелы разнесли зенитные установки. Хорошо, что возле них никого не было. Зенитчики оказались запертыми в стеле.

Видимо, командиры ВСУ усвоили преподанные ранее ополченцами уроки. Сперва бомбить курган прилетали два самолёта, били по вершине неуправляемыми реактивными ракетами, но каждая вторая падала болванкой и не взрывалась. Когда надоело бойцам батальона «Восток» прятаться по норам от воздушных налётов, было решено попытаться самолёты отогнать и, как ни странно, получилось. Двадцать седьмого июля две украинские двадцать пятые «сушки» поплатились за безнаказанные атаки и сброшенные бомбы, сгоревшими свечками украсили землю.

Науму спрятаться было негде, он вжимался в бетонную поверхность стелы и шептал молитву, слышанную в детстве от бабушки. «Отче наш, сущий на небеси! Охрани нас от напастей, что упали на нас помимо твоей Всевышней воли! Дай простить врагов наших, ибо они не ведают, что творят. Спаси и сохрани, – добавлял от себя, – друзей моих и дай выйти живыми из этой передраги!»

Сообщать было нечего, хотя и вжимал Наум голову в плечи, но не переставал наблюдать за полем: не показались ли там вражеские солдаты, под прикрытием артиллерийского огня рванувшие вперёд на курган. Страшным было то, что снаряды иной раз прошивали стелу насквозь. Хорошо хоть не взрывались – с высоты в тридцать шесть метров не хотелось шлёпнуться на асфальт.

Украинцы устроили слишком длинную артподготовку, колошматили до восьми вечера. Сложилось такое впечатление, что дали возможность Вере заменить Наума.

Вера поднимался на стелу с тяжёлым сердцем. В груди не теплился страх, только что-то щекотало под левой лопаткой, и это что-то горячим лезвием жгло мозг. А вдруг он, Вера, горловский шахтёр, прошедший почти пятнадцать лет в тесном и тёмном забое, подведёт товарищей и не сможет им ничем помочь. Наверху он распластался, сперва начал съезжать вниз, но зацепился ногтями за бетон и подполз к краю обелиска. Опустил голову на руки, чтобы зрение после волнения пришло в норму. Посмотрел на позиции украинцев. Там, внизу, командиры ВСУ, хотя и подводили артиллерийские орудия ближе к кургану, но не давали пехоте приказа идти вперёд. Видимо, и впрямь уверились, что на кургане пять тысяч ополченцев, и теперь стремились за счёт осколочных снарядов сократить цифру до минимального значения.

– Командир, – произнёс глухим голосом Вера, чуть не крича (разрывы и вой снарядов били по ушам), – укры подходят ближе, но пехоту не пускают.

– Танки, бронемшины? – кратко послышалось сквозь шум.

– Пока стоят на позициях, со стороны Таранов и со стороны Благодатного, охватили полукольцом.

– Понял, конец связи, – голос Медведя умолк.

В восемь часов канонада стихла, словно кто-то взял и выключил в приёмнике звук.

Бойцы начали выглядывать, чтобы своими глазами увидеть, что творится вокруг кургана. В ушах звенело, и казалось, что взрывные волны прокатываются по Саур-Могиле, захватывая её в плен тишины.

Венька после первых взрывов сунул в уши беруши – так било, что мочи не было терпеть. Полуметровый окоп спасал от разрывов. Но иногда горячие дымящиеся куски металла падали рядом, пытаюсь посеять панику, но напрасно. Венька вжимался в землю, закрывая голову руками, словно они могли защитить от смертельных осколков. Его не пронимал страх, но не хотелось вот так, от случайного шипящего куска металла, принять смерть. В памяти без звука пробежали, как кадры документальной киноленты, воспоминания и почему-то больше приходили на ум поступки, которыми нельзя гордиться.

Обстрел возобновился минут через пятнадцать, но уже не так интенсивно.

В двенадцатом часу ночи пушки и «Грады» умолкли, но, находясь на волне переговоров ВСУ, Медведь слышал многоголосье, в котором угадывалась только одна цифра «восемь», словно укры потеряли всякую бдительность, уверенные, что курган возьмут с лёту после названного утреннего часа. Хотя на обстрел не отвечали, но в поле горели несколько машин, то ли бойцы с нижнего яруса постарались, то ли сами украинцы были настолько беспечны, что себя же и подожгли. Но факт оставался фактом, и в поле продолжали выбрасываться в небо языки пламени. Дыма видно не было. Он сливался с темнотой, а едкий запах жжёной резины проникал в ноздри и вызывал желание чихнуть.

– Я понимаю, что ты за день устал, – Медведь подходил к каждому ополченцу, хлопал по плечу, – но завтра будет очень тяжёлый день. Укры решили нас отсюда выкурить. Мне перебрали информацию, правда не совсем точную. Но то, что против нас пойдут четыре бригады, это точно. Не могу сказать, сколько в их бригадах солдат, но немало. Поэтому надо выспаться, чтобы не быть варёной вороной. Ясно?

– Если пойдут ночью? – закономерный вопрос задавал каждый из ополченцев.

– Всё указывает на то, что они назначили атаку на восемь утра, – немного подумав, отвечал командир.

– Что ж они колошматили полдня? Что там, в штабах, не могут сообразить, что мы можем перегруппироваться и ждать их подхода?

– Вопрос не по адресу, – улыбнулся Медведь, – к сожалению, с их штабами связи не подерживаю и спросить о такой бестолковости не у кого.

– Понятно. Значит, восемь утра.

– Да, – коротко отвечал командир и шёл, пригибаясь к следующему бойцу.

Впереди, как предполагал Медведь, будет трудный день. ВСУ серьёзно взялись за задачу уничтожения сепаратистов на кургане, и это дело времени. Сегодня ополченцы – только наблюдатели, а завтра притащат на высоту несколько пушек и могут перерезать дорогу в Луганскую область. Это чревато непредсказуемыми последствиями: не получится перебросить дополнительные силы в ту часть Донбасса, значит, сепары обретут преимущество. Такого положения допустить нельзя, и поэтому принято решение взять Саур-Могилу прямой атакой со стороны Таранов и Благодатного.

Ночное небо чёрным в дырочку куполом висело над степью. Звёзды безумно сияли, выжимая слёзы из пристальных глаз стоящих (вернее, лежащих) на посту. Бойцы вглядывались на восток, где должен родиться новый день. Потом рассвет полностью охватил небо, заблестел нестерпимым сиянием на горизонте, окрасил его в красно-розовый цвет, блеснул золотой полосой над землёю Донбасса и вытолкнул на волю жёлтый диск солнца, ещё не слепящий глаза, а находящийся в каком-то дрожащем мареве.

К половине восьмого двадцать восьмого июля почти все бойцы находились на позициях.

В окопах за парашетом, на стороне, обращённой к атакующим, находились в это время командир Медведь, Угорь, Акура, Рихтовщик и Зяма. Они видели, как украинские войска разворачиваются в цепь с северо-восточного до юго-восточного направления. Хорошая бетонная дорога между ними, ведущая на вершину кургана, оставалась незанятой. Видимо, украинские командиры посчитали, что она находится под прямым прицелом сепаратистов.

Между танками выстроились в цепь БМП и БТР, с них прыгнули пехотинцы, вначале прятаясь за бронемашинами. Но когда те открыли прямой наводкой огонь, они посчитали, что против такого напора гражданские не выстоят, и шли в полный рост, словно бросая вызов защитникам.

– Командир, справа от дороги двадцать четыре танка, четырнадцать бээмпэ и два бэтэра, – доложил Зяма.

– Что слева?

– Здесь поменьше: восемь, пять и два, – Угорь провёл рукой по поясу, где лежали запасные магазины от калашникова.

– Понял, – Медведь вытер глаза тыльной стороной ладони. – Ребятки, передайте по цепи: бить прицельно, патроны зря не тратить. Перед нами не люди, а посланные выгнать нас из домов майданные роботы. Понятно?

– Что ж непонятного: бить по укропам, пока сухой травой не станут, – отозвался Рихтовщик.

Появился он в батальоне с месяц тому назад, лохматый, с недельной щетиной и синяком под левым глазом, таким фиолетовым и большим, что, казалось, он никогда не сойдёт с лица. На вопрос «Кто постарался?» – ответил не сразу, а почесал небритую щёку. «Пристали тут на днях ко мне майданутые, не понравилось, что я, – он передразнил кого-то, – «по-москальски балакаю». Вот и пришлось им объяснить, кто на Донбассе хозяин». – «И?» – «Что «и»? Уползли на свою Западенщину за зубами». – «Кто они были?» – «Говорю же, какие-то западенцы в украинской форме». – «Так ты солдат отмутузил?» – «А то!» Ребятам в батальоне новый боец сказал, чтобы звали его Рихтовщиком. Это не только профессия – он ещё хорошо рожи укропам рихтовал.

– Ждать команды на открытие огня, передайте по цепи, – командир прильнул к биноклю.

– Командир, ты б лучше бинокль в сторону отложил, он зайчики солнечные пускает. Эти же сразу по нему бить начнут, как по ориентиру, – прошептал совсем тихо Кама.

– Знаю, – бросил Медведь, но бинокля не опустил, – надо же быть в курсе, где пастыри этого стада в атаку идут.

– Куда там, – скривил губы Зяма, – сидят себе и самогон попивают да по рации войсками управляют.

Командир промолчал.

– Пусть патроны тратят. Им, видно, выдали их немерено.

Пули щёлкали по стеле, не оставляя больших следов, отбивая кусочки бетонных пластин. Не видя противника, солдаты ВСУ стреляли лишь бы освободить магазины.

– Мне кажется или так оно есть? – спросил Зяма.

– Что? – не расслышал Медведь и повернул голову к ополченцу.

– Говорю, им что, за каждый выстрел платят? – почти кричал Зяма. От какофонии автоматных выстрелов, грома танковых пушек, стрекотания крупнокалиберных пулемётов утренняя тишина сбегала в более подходящее место.

– Командир, – почти кричал в ухо Угорь, – со стороны Петровского оврага идёт ещё одна колонна, передают с нижнего поста.

– Сколько? – в ответ прокричал Медведь.

– Восемь единиц техники и навскидку штук пятьдесят укропов.

– Передай, чтоб начинали внизу.

Угорь не поднялся, а на четвереньках быстро удалился для передачи команды. За парашютом в полный рост не встанешь, вот и приходилось где ползком, где на четвереньках, где согнувшись в три погибели передвигаться под шквальным огнём.

Через минуту послышались с нижнего поста пулемётные очереди, а между ними одиночные выстрелы автоматов.

– Где Грузин? – крикнул ближайшим к нему ополченцем Медведь.

Георгий явился быстро, словно давно ждал вызова.

– Звал, командыр?

– Угу, – кивнул Медведь, – возьми гранатомёт, сколько унесёшь гранат – и на нижний пост. Там, скорее всего, готовится прорыв укропов. Помоги нашим соседям.

Грузин кивнул и пошёл, согнувшись, вдоль парашюта.

– Приготовиться! – крикнул командир. – Передать по команде: скоро пехота в атаку пойдёт.

– А техника? – дёргал за рукав Зяма.

– Побоятся днища под гранаты подставлять, они тоньше и меньше защищены.

– Ну если...

– Увидишь.

Командир оказался прав.

Украинские пехотинцы, словно саранча, устремились вверх по склону. Танки и бронемашины, подняв стволы, лупили практически прямой наводкой. Сперва солдаты побежали, пригибаясь к земле, но почувствовав, что под таким градом пуль и снарядов обороняющиеся не покажут и носа, стали передвигаться в рост.

Вначале заработал пулемёт на нижнем посту – осторожно, выпуская по десятку пуль. В грохоте не слышали, как первая граната рва-

нулась к цели. Танк подпрыгнул, словно в живоуго зверя вонзили копьё, потом как-то присел от неожиданности и над ним выросло оранжевое облако, которое чёрным дымом устремилось вверх. Башню сорвало. Пролетев с десяток метров, она воткнулась пушкой в землю и, словно в замедленной съёмке, повалилась вниз, накрыв собой застывшего от ужаса украинского солдата.

– С почином, командир! – крикнул Рихтовщик, но его слова унёс грохот взрыва.

– Молодец Грузин, – прошептал Медведь. – Так им и надо, – щекой ощутил тёплое прикосновение автоматного приклада и отдачу от выстрелов.

Вражеские солдаты залегли в редкую траву и теперь не так нагло стремились к вершине кургана. Чуть ниже Нигрол бил из пулемёта, не давая украинцам поднять голов. Атака захлебнулась, так и не успев начаться.

Пожелтевшая жухлая трава, за которой пытались спрятаться солдаты, не скрывала камуфляжной формы.

Автол вскочил, чтобы поменять позицию. Внезапно сильно грохнуло. Сноп пламени и брызги земли рванулись рядом с ополченцем. За первым разрывом блеснул с треском ещё один.

Экипаж одного из танков получил задание подавить пулемётную точку врага. Автол не успел сменить позицию.

Грузин видел, как взрывной волной Автола подбросило в воздух и он сломанной куклой упал на землю. Георгий поиграл желваками, прицелился и нажал на спуск. Танк горел ярким факелом, солдаты отбегали от него подальше. Ополченцы усилили стрельбу и им удалось подбить ещё два бэтэра, которые сильно зачಾದили, но пламени видно не было. Буханье взрывов, свист и визжание пуль, стоны, крики сливались в единый гул. Пламя всё же вырывалось на волю и с яростным гудением начало пожирать трупы людей. Бой продолжался. Стволы автоматов и пулемётов раскалились. Люди уже не орали – вместо криков вырывалось звериное рычание.

Венька сидел на дне окопа, закрывая уши руками. Свист, скрежет, взрывы, жужжание врезались в голову, и казалось, сейчас она разорвётся на части. Открыл глаза и посмотрел на небо. Где-то наверху мирно плыли белоснежные ватные облака, а под ними над землёй валил чёр-

70

ный копящий дым и гремел смертоносный металл.

В первый раз бывший студент попал в такой переплёт. Конечно, бывали и раньше обстрелы, но не такие напряжённые, как два последующих дня. Украинские ВСУ взялись со всей серьёзностью за господствующую в этих местах высоту и теперь не жалеют ни техники, ни – тем более – людей, которых начали призывать из запаса, чтобы подавить в зародыше народное возмущение пришедшими в результате силового захвата к власти оппозиционерами.

Семёныч с закрытыми глазами сидел в окопе рядом с Венькой, но автомат из рук не выпускал, поглаживал цевьё и что-то про себя шептал, шевеля губами. Было не понять: то ли молится человек Всевышнему, то ли ругает всё на свете последними словами.

Издали раздавались не голоса, а какие-то животные звуки.

Венька пересилил душивший страх. Нет, он не боялся умереть от случайной пули или шального взрыва – он не хотел ранений, потому что боялся боли. Не хотел признаваться самому себе, но боль приносила больше страданий. Смерть что? Один миг – и тело ничего не чувствует, а душа, дух или что там есть после перехода через красную черту невозврата будет ли летать или существовать, никто не знает. Ведь с той половины никто не вернулся, остаются одни домыслы и фантазии.

– Ну да, что, Вениамин Батькович, попритих малость? Страшно стало?

Бывший студент хотел сперва похорохориться, что, мол, нас не запугаешь, пуганые, но у него только приподнялись уголки губ в наметившейся улыбке.

– Страшно, Семёныч! Страшно.

– Ну да, страшно не тронуться, страшно не остановиться. Как же не испугаться, когда в тебя столько пакости летит, а всякая гнида так и норovit железяку в тебя воткнуть. Но ты, Веня, гони это прочь, иначе глаза застелет и пропадёшь не за понюх табаку. Вылазь, Веня, из норы. Ты лучше посмотри, сколько к нам нехристей в гости просится.

Бывший студент, пригибая голову, поднялся со дна окопа. Приклад упёрся в плечо, и парень даже не почувствовал отдачи первого выстрела. Ему то ли показалось, то ли на самом деле увидел, что после выстрела выглянувший из-за бронетранспортёра взсэушный солдат повалился вперёд.

Он, Венька, его подстрелил или это простое совпадение? Правду никогда не узнать – главное, что наступающих стало на одного меньше.

Семёныч стрелял очередями по два-три патрона, сэкономил боеприпасы.

Смена, находившаяся в кафе, расположенном ниже вершины, начала движение к окопам. Первым шёл, пригнувшись, Лех, неся в руках гранатомёт и боеприпасы к нему, следом шаг в шаг двигались Наум, Фима и Зосим. Украинский корректировщик сработал на славу, между первым и остальной группой начали рваться мины. Лех успел добежать до вершины, где попал под новый обстрел, но уже из танка. Бойца подбросило в воздух, и он свалился на асфальт площадки.

Медведь без лишних слов рванул вперёд, как заяц, прижимаясь к земле, и зигзагом к застывшему в нелепой позе бойцу. Говорить, чтобы прикрыли, не имело смысла – украинцы били по кургану со всех сторон. Верить в то, что Лех погиб, не хотелось, да и всё происходило настолько быстро, что мозг не успевал фиксировать события. Рвались снаряды, визжали пронзительным криком мины, жужжали горячие пули. Казалось, всё, что находится вокруг, нацелилось на одно – на уничтожение. Главным для оружия было напиться человеческой солёной крови. Резким отработанным движением Медведь забросил автомат за спину, схватил Леха под мышки и в три шага оказался в своём окопе.

Лех застонал и открыл глаза.

– Куда? – командир осматривал форму бойца: не появится ли где кровавое пятно.

– Не знаю, – скривился Лех. – Автомат... – протянул руку.

– Лежи, – успокоил ополченца командир, – захватил, – и, сняв с плеча, показал бойцу.

Лех пытался сосредоточиться на чём-то, но пустой взгляд скользил по небу.

– Пить, – и лениво облизнул пересохшие губы.

– Погоди, сейчас, – Медведь не знал, можно ли давать воду раненому, а скорее всего, контуженному.

«Это раненому в живот нельзя», – промелькнула мысль и тут же овладела командиром. Он снял флягу и поднёс к губам Леха.

– Только не спеши.

Боец с жадностью сделал три больших глотка, несколько раз моргнул и потерял сознание.

Медведь осторожно, прикрываясь парашютом, выглянул и зло выругался. К самому кургану и дальше, на вершину, вела хорошая дорога, раньше по ней поднимались экскурсанты и приезжающие поклониться мужеству солдат, которые в Отечественную защищали Саур-Могилу, а потом и брали стратегическую высоту. По бетонке осторожно, словно ощупывая перед собой пространство, двинулся украинский танк. Если он поднимется на первую площадку, где ранее для посетителей располагалась кафе, тогда вершина будет простреливаться насквозь и нигде от прямых выстрелов не укрыться. Командир хотел броситься вниз, но его кто-то опередил. Граната, выпущенная из РПГ, оставляя за собой след, устремилась к железной громаде. Медведь не спрятался за укрытие, а сощурив глаза, смотрел за летящим снарядом. Время словно бы застыло, танк на миг остановился, и ствол пушки, увлекаемый башней, с такой медлительностью начал двигаться, что командир не выдержал, ударил кулаком по бетону и крикнул: «Ну давай, милая, давай!». Голоса своего не слышал, хотя чувствовал лёгкими, что не шепчет. Наконец, смертоносный заряд достиг украинской машины. Медведь отчётливо видел, как железо жалом вонзилось в железо, слегка чиркнув по нижней части, и вошло в основание башни, где находится поворотный механизм. Машина замерла, отлетел или открылся люк наводчика, и из него вырвалось красное, как показалось командиру, пламя. Спустя секунду или две рванул внутри сдетонировавший боекомплект. Башня подпрыгнула на метр в воздух и упала на ходовую часть. Клубы коптящего жирного дыма устремились в небо.

Танк, шедший за подбитым, несколько раз в нерешительности дёрнулся, словно механик получал противоречивые команды, а потом покатился назад, уходя с бетонной дороги на степную ковыльиную траву.

Опять поле боя обрело звук, Медведь потряс головой, освобождаясь от непонятного чувства медлительности.

Повернул голову к Леху. Тот уже сидел и смотрел вокруг мутными, ничего не понимающими глазами, уставился на руки, лежащие на коленях.

– Где-е-е а-автма-а-ат, – произнёс протяжно и с заиканием.

– Жив, – только и выдавил из себя командир, – ну и слава Богу! Тут твой автомат, тут. Сиди спокойно, – и сунул в руку флягу с водой.

Шедший следом за Лехом Зосим хотя и вовремя нырнул в окоп, но неудачно: пока падал, несколько мелких осколков полоснули вскользь по шее, спине и впились в левую руку. «Черти», – выдавил из себя боец. Боль была не сильная, но неприятная, особенно мучило жжение.

Украинцы, вопреки международной конвенции, обстреливали ополченцев не только начинёнными фосфором зарядами и бомбами, но и применяли снаряды с иглами, типа дротиков, внутри. При взрыве целый сноп этих игл разлетелся во все стороны, делая из попавшего на их пути бойца кровавое решето. А если солдат оставался жив, то без медицинской помощи было не обойтись. Мог умереть от заражения крови.

Рука саднила, но не так чтобы можно было забыть о бое, солдатах ВСУ, стремящихся взять вершину кургана под свой контроль, о товарищах, которые сейчас отстреливаются от врага.

«Хорошо, что правая не задета», – пронеслось в голове Зосима. Он посмотрел на левый рукав, пропитанный кровью, и подумал: хорошо, что может держать автомат и даже вести по неприятелю огонь, помогая себе раненой рукой. Хотя обидно: не успел он дойти до вершины, влиться в бой, как был подстрелен.

72

Зосим выглянул из окопа. Из ходовой части подбитого танка на бетон горящими крупинками капало топливо. Вначале показалось, что действительность играет с глазами нелепую шутку, но всё было на самом деле. Железная машина дёрнулась, сдвинулась с места. Почудилось, что не подбит танк, а только слегка оцарапан гранатой. Сквозь разрывы снарядов, свист мин, жужжание пуль послышался металлический скрежет, взревел надрывно двигатель. Только сейчас Лех понял, что подбитый подцеплен тросом и оттащен в сторону, чтобы освободить хорошую дорогу наверх.

Боец скрежетнул зубами, вцепился двумя руками в бруствер, но потом поморщился и покопался на истекающую кровью левую руку. «Гранату бы», – прошептал себе под нос.

В кафе вошёл, шатаясь, Наум, за ствол таскал седьмой РПГ, чтобы не растянуться у порога, опёрся вначале о стену и прошептал:

– Я – трёхсотый...

И повалился вперёд, не подставив для смягчения падения руки.

К нему подскочили Вера и Казак, перенесли на кровать. Ранение оказалось тяжёлым, но ещё

с первых боёв перестали удивляться тому, какой в человеке запас прочности. Вот и сейчас: как раненый добрёл до кафе, одному Богу известно (если Он на самом деле наблюдает за деяниями людских рук). Бинты были рядом, бойцы обмыли рану и начали перевязку.

Дверь от удара открылась.

Вера схватился за автомат. На пороге стоял Фима.

– Мне нужна помощь, – скривился он от боли. Было видно, что каждое движение вызывало физическое страдание.

– Дойти сможешь? – крикнул Казак.

– Смогу, – шатаясь, приблизился к товарищам и грохнулся на стул, руки висели плетью вдоль тела.

– Потерпи чуток, – повернул голову к Науму Вера, – сейчас закончим.

– Угу.

С Фимы пришлось верхнюю часть камуфляжной формы срезать (снять было невозможно), вслед за ней разрезали синюю футболку.

– Тебе дать наркозу или будешь терпеть?

Неприкосновенный запас спирта стоял в фельдшерской сумке. Не всегда в суматохе найдёшь лекарство – а это всегда под рукой, и каждый знает, что можно им дезинфицировать раны.

– Потерплю, – не разжимая зубов, выдавил Наум, попавший под снаряд с иглами. Видимо, они находились на излёте, поэтому торчали, как у ежа, далеко в тело не ушли.

– Терпи, молодец, приступаю, – первая окровавленная иголка полетела на пол.

Наум даже не вздрогнул, только сильнее сжал зубы.

Заработала треском рация – кто-то вызывал на связь.

Вера кивнул головой Казаку: мол, возьми, кто там.

– Я Медведь, я Медведь, вызываю Гнездо. Кто-нибудь меня слышит? Я Медведь, я Медведь, вызываю Гнездо...

– Гнездо слушает Медведя, приём.

– Гнездо, я Медведь. К вам ползёт коробочка. Повторяю. К вам ползёт коробочка. Как поняли? Приём.

– Медведь, понял. К нам идут гости в количестве одной коробочки, – повторил Казах.

– Передай командиру, что коробочку беру на себя.

– Медведь, я Гнездо. Коробочку берём на себя. Отбой.

Помехи продолжали шуршать в рации.

– Работай дальше, – Вера поднял РПГ, оброненный при входе Фимой, – освободи от иглонок и перевязки.

– Понял, удачи.

– Да ладно, – Вера посмотрел, что гранатомёт снаряжён. – Ты за ними следи. Автомат держи под рукой, вдруг эти прорастут рядом. Их же косить надо, пока цветочками не заросли.

– Не трави. Лучше посмотри, где танк. Вдруг у дверей уже стоит.

Вера всё-таки прислушался к словам товарища, тихонько начал открывать – и тут же отпрянул, словно нос к носу встретился с облезлым чёртом. Вначале не понял, только через секунду сообразил, что в нескольких метрах от дверей движется то вправо, то влево зелёный ствол пушки.

Вера скрипнул зубами, выругался и начал ужом выскальзывать из двери на полусогнутых ногах. Пока двигался, успел проверить гранатомёт, подготовить его к выстрелу.

«Была не была», – пронеслась мысль. Расстояние казалось таким маленьким, что протяни руку – и коснёшься пушки, нагретой не только солнцем, но и огнём и дымом боя.

Вера замер на мгновение – не так легко принимать решение, куда направить ствол, когда бронемашина рядом.

Башня начала поворачиваться (то ли заметили врага, то ли кто-то подсказал по рации), пулемёт заработал сухой дробью. Пули, свистнув, впились в землю. Вера, как учили, нажал на спуск и упал на бетон, прикрыв голову руками, хотя такая защита была скорее психологической. Граната чётко впилась под башню, танк, как живой монстр, покачнулся и, лишённый опоры, покатился назад.

Ополченец поднял голову и удивлённо посмотрел вслед сползающей с кургана машине: никто не выпрыгивал и из неё не валил дым. Железный монстр замер. Выглянул – аллея пуста, прищурил глаза и окинул взглядом поле рядом: больше никто не пытался повторить манёвр подбитого танка, только усеянная трупами сухая трава поклонялась летнему ветру. Дальше поле укрывал дымовой чадящий туман от горящих машин, который то уносился, то снова наползал чёрными клубами. Вера видел только вспышки выстрелов и судил, что вот там стоит танк, а вот там – БМП, поэтому снова зарядил гранатомёт и прицелился. Глаза слезились от наплывающего

73

дыма, руки перестали подрагивать после первого выстрела, когда, не думая о последствиях, выпустил заряд почти в упор. Теперь он прицелился в то место, где сквозь дым видел вспышку. Через десяток секунд раздался взрыв.

«Попал! – обрадовался Вера и вытер левую ладонь о камуфляжные брюки. – Горит милок, хорошо горит».

Хотел выпустить ещё несколько гранат, но под рукой не оказалось, да и ноги почему-то перестали держать. Вера сел прямо на бетон, вытянув их перед собой.

«Сегодня программа выполнена, – взгляд остановился над крышей кафе, – но эти прут и прут. Что ж я расселся?»

Сквозь прорехи в дыму заметил, что впереди небольшая ложбинка. Она начиналась левее бетонки и резко заканчивалась, простая длинная яма в десяток метров длиной. Рядом стоял подбитый танк, у гусениц лежали несколько трупов.

«Кто-то из наших постарался», – на обсохших губах Веры появилась саркастическая улыбка.

Ствол пушки был разорван и напоминал лепестки садового цветка, которые завились, словно кудряшки волос. Они придавали подбитому танку недоумевающий вид. Позади танка застыл памятником бронетранспортёр, чадающий мрачным траурным шлейфом. Вражеских солдат рядом с ним не было, видимо, при взрыве покинули опасное место.

Опять начинался обстрел. Под прикрытием миномётов и танков украинские солдаты не сразу поднялись с земли, где-то вдалеке слышны были крики их командиров, уносимые ветром в степь. Вэсэушники успевали пробежать по несколько метров, не больше. По открытой местности много не набегаешь, укрыться им негде. При первых выстрелах с кургана снова упали на землю, стараясь спрятаться за степной травой, словно она может их защитить от прилетевшей пули.

– Ты как? – Медведь повернул голову к Леху, тот зажал виски руками, раскачивался из стороны в сторону и шептал:

– Где мой автомат?

Командир, скорее по губам, угадывал, что говорит контуженный.

– Здесь он, здесь.

– Много там их? – Мутный взгляд превращался в осмысленный, на скулах играли желваки.

– На всех хватит.

– Дай мне оружие.

– Посиди пока.

Лех хотел подняться во весь рост, но тяжёлая рука Медведя не позволила.

– Сиди ты, – зло сказал командир, – под пулю не подставляйся.

– Они же лезут, их бить надо.

– Успеешь, – командир короткими очередями стрелял по противнику.

Украинские солдаты с неохотой поднимались и вновь падали на землю. Окрики пастухов-командиров не могли заставить человека, в былые времена не находящегося под прицелом у врага, проявлять чудеса героизма, поэтому атаки затихали, как следует не начавшись. Но зато патронов не жалели и стреляли по всему, что казалось более или менее опасным. Притом в солдат вселилась уверенность, что курган обороняют не три десятка бывших гражданских лиц, а целая кадровая российская армия, вырывшая подземные ходы чуть ли не до границы. Каждая новость в частях распространялась с быстротой баллистической ракеты, обрастая по мере продвижения самыми невероятными и нелепыми слухами. Говорили, что на помощь ополченцам прибыли около десяти тысяч танков, которые со дня на день должны вступить в военный конфликт и переломить ситуацию. Другие утверждали, что есть договорённость с руководством НАТО и с запада движутся составы, которые должны подавить не только смутьянов, но и привести имперские амбиции российского руководства в надлежащий вид. Отцы-командиры ВСУ ничего не говорили, только становились их лица пасмурнее и грустнее. Воевать – это не в хате горилку пить, здесь ненароком подстрелить могут.

Мины, как зачарованные, ложились вокруг окопа, но внутрь не попадали. Украинцы опять попытались преодолеть несколько метров степи. С высоты было видно, как они выскакивали, пробежали несколько шагов и ложились, потом бежали обратно. Автоматы ополченцев подымали небольшую полоску пыли, показывая, что участок пристрелен. Дальше этой полоски вэсэушники не шли. Так повторялось несколько раз.

– Ну да, ты, Венька, не прячь страха и не храбрись. Видишь, они тоже боятся, – Семёныч сунул в губы бывшего студента зажженную сигарету, закурил сам. – Кто ж смерти самому себе

желает? Особенно они, – кивнул подбородком. – Мы с тобой правое дело исполняем, родную землю от врага защищаем. А они что? Пригнали их, как скот, чтобы для новых хозяев землю освободили. Ты думаешь, они стараться будут? Не-а.

– Так воюют?

– Ну да, Веня, из-под палки.

– В атаку ж идут?

– Ну да, идут, но это идейные, те, кто всю бурчу на майдане устроил. Им повоевать хочется, силу над безоружными показать, да и те, ты думаешь, в атаку идут? Нет, сидят где-то там, – Семёныч показал рукой в сторону Благодатного, – и только подзуживают.

– Философ ты, Семёныч, – отозвался Веня.

– Ну да, есть немного. Я-то к чему речь веду.

Мне папаня рассказывал о своём первом бое. Ему тогда восемнадцать стукнуло, ну прям как ты...

– Мне двадцать, – пробурчал Веня.

– Ну да, хрен редьки не слаще. Так вот после первого боя папашке моему штаны пришлось менять. Страх – он и в Африке страх. А отец у меня строгий был и зазря болтать не стал бы, а здесь такой не очень лицеприятный случай упомянул. К чему это?

Бывший студент пожал плечами.

– Ну да, страха бояться не следует, он сам уйдёт. А за первый бой папашка мой орден получил. Вот и выходит, что страх смелости не помеха. Слышишь? – Поднял палец кверху.

– Тише стало? – с сомнением в голосе произнёс Веня.

– Ну да, то ли на перегруппировку отправились, то ли обеденный перерыв.

– Как можно есть после такой бойни?

– Сидят два укропа в окопе. И тут прямо на них выезжает танк со звездой. Один хохол пригнувается и говорит: «Здаётся мени, Микола, що ти обробився зо страху». – «Та то ни зо страху, то з лютой ненависти...» Вот так потом обед и выходит.

Лех попытался подняться, но ноги не держали.

– Голова болит? – спросил Медведь.

– Гудит как колокол.

– Я спрашиваю, болит?

– Нет.

– Уже хорошо. В глазах не двоится?

Лех легонько покачал головой. Мол, всё в порядке.

Казак сам стиснул зубы, вытаскивая иглы из Наума. Тот безучастно сидел и смотрел в стену, даже не дёргался, только расширенные зрачки выдавали боль. Кровь покрывала спину, предплечье и каплями падала на пол.

– Последняя, – прошептал Казак, отбросил в угол иглу, потом вытер рукавом потный лоб и тяжело вздохнул, словно натаскался тяжёлых мешков.

Наум хотел поднять раненую руку, но не смог, скривился, правая щека продолжала дёргаться в нервном тике, но боец ничего не замечал. Только сейчас боль начала распространяться по телу: вначале поползла волною по спине, спустилась ниже и перекатилась в бедра, потом в икры ног. Ни подняться, ни пошевелиться. Пришла слабость. Наум закрыл глаза и, не покачнувшись, потерял сознание.

Тишина наступила сразу, словно дирижёр махнул палочкой и многоголосый снарядоминный оркестр с осиными нотами металлических пуль умолк. Сразу заложило уши, складывалось такое ощущение, что натолкали туда банальной белой ваты.

Ополченцы с недоумением выглядывали из-за укрытий и рассматривали донецкую степь, ставшую в этот час полем боя.

Вера открыл дверь и шагнул в тёмное чрево кафе, пахнувшее прохладой после уличной жары, сделал несколько шагов и в изнеможении опустился на стул. Пот бисеринками покрывал высокий лоб, а с висков катился тонкими струйками, которые, пересекая щёки, исчезали под курткой.

– Что там? – поинтересовался Казак.

– Сказал бы, как в фильме: «Стреляют», но не могу, – устало произнёс Вера и размазал по лицу пот. – Затихли.

– Может, выдохлись? – с надеждой в голосе спросил ополченец.

– Не, – Вера провёл рукой по коротким волосам, – сегодня они будут идти до конца. Видно, получили приказ во что бы то ни стало взять курган.

– Значит, скоро полезут.

– Само собой. Над ними начальство стоит. Люди подневольные, послали – пошли, сказали – стоят.

– Что с танком?

Вера поднял за ремень РПГ и опустил на пол.

– Хорошо, что Наум принёс, а не бросил в окопе. А ты, Казак, накаркал, – со смешком сказал боец и закашлялся, поднёс руку ко рту, но плечи вздрагивали в такт звукам. – Дверь открываю, а там пушка торчит. Не знаю, как получилось, но действовал на автопилоте, сообразить было некогда. Ну я ему под башню и вкатил метров с десяти.

– Постой, – Казак подошёл ближе, – тебя не задело?

– Как видишь, крови нет. Я сам не знаю, нырнул за укрытие, а танк назад покатился. В нём, наверное, весь экипаж разом, а потом я ещё бэмпэху поджёг, тоже на каком-то автопилоте, словно не я это был, а кто-то другой, – не прекращал рассказа Вера, видимо, отходил от шока, полученного в бою. – И из неё никто не выпрыгнул. Тоже их гранатой накрыло. Даже не могу понять, как так быстро перезарядил. Точно не я был. Мне казалось, в стороне стою и наблюдаю за собой же. Гранату снарядил и почти без прицелки. Бац – там укропы в клочья, даже шинковать не надо.

Казак налил в кружку спирта и поднёс к губам Веры.

Медведь прислонился к стенке окопа, небольшими камешками и комьями слежавшейся земли впившейся в спину, но командир не чувствовал никакой боли. Просто сидел и наслаждался тишиной после напряжённого боя, неутихавшей стрельбы и громохочья взрывов. Руки сами отстегнули магазин, проверил по армейской привычке, сколько осталось патронов. Вставил полный и только потом, закрыв глаза, прислушался к окружающим звукам.

– Командир, жив? – голос Леха звучал глухо и почему-то издалека.

Медведь открыл глаза и посмотрел на ополченца.

– Как самочувствие?

– Да вроде отпустило и голова не так гудит, – взгляд Леха был не так затуманен, как с полчаса тому назад, да и выглядел гораздо боец бодрее. Держал в руках автомат и даже проверял магазин.

– Это хорошо, не то сейчас опять тараканы в гору полезут.

– Патроны есть, так что встретим как полагаются, с оркестром, – погладил автомат. – Сам-то как?

– Да ничего, держусь.

– Пока тихо, с другой стороны парашета займу позицию.

– Давай, только аккуратнее, голову не подставляй, – улыбнулся, – да и другие части тела.

Складывалось впечатление, что у украинского войска закончились боеприпасы, ведь били они по кургану не один час. Столько металла не получала Саур-Могила со времён Отечественной войны.

Тишина незаметно стала наполняться звуками, заработали с надрывным глухим стоном двигатели, слышались крики командиров, но какие они отдавали приказы, понять было нельзя. Скорее всего, готовили солдат к новой атаке.

И сразу же застрекотали, забухали, затрещали пулемёты, автоматы, миномёты, пушки. Слышались не крики, а какие-то звериные голоса, будто в прошлые атаки солдаты охрипли и теперь забыли человеческую речь.

Вначале застучали дробью очереди справа, потом добавились к ним очереди слева.

– Молодцы, – совсем тихо прошептал Медведь, – так их.

Пулемёты противника заставили вжаться в землю. Краем глаза Медведь увидел, как какой-то боец упал плашмя, широко раскинув перед собой руки, словно хотел обнять в последний миг родную землю. Понять, кто, командир так и не смог. На мушку автомата ловил вражеских солдат и короткими очередями бил куда придётся, лишь бы вывести из строя.

Лех с разгону вскочил в свежую, пахнущую горелым воронку. Под рукой посыпались на дно комья и камешки. Пули свистели над самой землёй, с чавканьем ударялись в песок, взвизгивали и с жужжанием проносились над головой. Где-то совсем рядом пыльными облаками рвались мины, сотрясая воздух. Лех лежал на боку, свернувшись в позу эмбриона, поджал ноги к самому подбородку. В правой руке держал автомат. Ополченец никак не мог вспомнить, что заставило броситься в воронку. Вроде были рядом товарищи по оружию, а теперь он один. Становилось жутко, казалось, что из временного убежища наполовину торчит голова. Пальцами начал скрести твёрдую землю. Не хотелось бы, чтобы пуля не только взбила песочный бруствер, но и ненароком вонзилась в выступающую часть тела. Лех начал поднимать головной убор, чтобы понять, держит ли его кто на мушке или нет. Но, к счастью, никто не обратил внимания на него. Боец видел, что

в нескольких шагах находится хорошее укрытие из бетонных плит, которым не страшны даже крупнокалиберные пули. Вскочил и рванул к новой защите. Сердце стучало, словно захотело на волю, билось быстрыми ударами о грудную клетку и отдавалось в висках тупой ноющей болью, затихшей буквально через несколько минут, в течение которых Лех сжимал ладонями голову, позабыв об оружии. Контузия нет-нет да и давала понять, что просто так ничего не проходит.

Семёныч сосредоточенно целился во врага, и казалось, ни одной пули не тратил зря – выпускал, как в тире, точно в яблочко. Хотя он был спокоен, но в глубине души таилась непонятная злость, смешанная с тревогой. Раньше он вспоминал прошедшие годы и в них видел только хорошее. Всё неприятное то ли забылось, то ли стёрлось, чтобы никогда не потревожить даже вскользь постыдными поступками в жизни. Большую часть прожитых лет посвятил преподаванию молодому поколению доброго, справедливого, вечного, но вот на старости пришлось взять в руки оружие, чтобы это доброе, справедливое, вечное не исчезло, а продолжало жить. Добро должно быть добром, а не пародией, когда на майдане ратовали за свержение коррумпированной власти, а пришла ещё более коррумпированная, к тому же и не законным способом (ибо не имела сил и возможностей переубедить народ в своей правоте), а посредством обычного переворота, который в любой стране мира соответствующим образом подавляется. Видимо, слабая личность возглавляла государство, слабая. Справедливость тоже не должна быть показной, наносной, когда она декларируется на словах, а на самом деле прячется под сукно до времён, когда ею снова можно помахать как знаменем. Семёныч нажимал на курок, не привыкшие к резкому грохоту глаза при каждом выстреле закрывались, а зубы сжимались до боли. Пули били в цель, пролетали мимо, но ни на миг учитель не усомнился в правильном выборе. «За свободу можно отдать жизнь, – мелькало в голове. – Можно».

Страх всё ещё витал над Венькой. Двадцать лет, всего двадцать лет, а он участвует в войне, которую начали киевские путчисты. Конечно, можно было бросить родной край и рвануть куда-нибудь подальше, где оценят его дар, как в Донецкой музыкальной академии, но что-то щёлкнуло в голове, то ли на генном уровне, то ли

ещё на каком. Как это? Бросить то место, где тебя воспитали, дали первые уроки доброты, где знакомы каждый камень и каждое дерево. Четыре раза Венька нёс вахту на кургане, но ни разу не попадал в такой переплёт. Раньше били по Саур-Могиле, но как-то лениво, не принимали высоту в расчёт, а сейчас – наоборот. Кому-то из киевского руководства показалось, что территория должна быть очищена от сепаратистов, которых проще называть террористами и показывать всему миру, как некие люди просто захватили мирное население и держат его в качестве заложников. Вот их и надо уничтожать.

Венька вздрагивал от каждой пролетающей над ним пули и никак не мог привыкнуть к тому, что если пуля свистит позади, то она уже не опасна. Страх не покидал бывшего студента, и поэтому становилось стыдно. На щёках появились красные пятна.

Вера хлебнул поднесённый к губам спирт, но поморщился и глубокими вздохами не задышал, а только сжал губы, словно выпил пару глотков родниковой воды.

– Полегчало? – спросил Казак.

Вера только пожал плечами.

– Будем считать, что полегчало, – Казак поставил кружку на край стола. – О! – повернул голову ко входу. – Слышишь? Началось.

– Угу.

– Второй акт Марлезонского балета. Мне сдаётся, что сегодня они получили приказ выкурить нас с высоты.

– С чего бы? – оживился Вера.

– Похоже, даже наше присутствие здесь им мешает. Мы же видим, какие у них силы и в какую сторону движутся. Скорее всего, они задумали полномасштабную операцию по очистке этого края от нас.

– Наверное, ты прав. Вчера они долбили почти целый день, сегодня в наступление пошли. Там, в поле, не одна их машина горит, а они всё прут и прут.

– Ничего, в других местах не слаще. Пошли. Кроме нас, защищать высоту некому.

– Это правда.

Нестройные выстрелы украинских наступающих рот и батальонов вдруг сменила стрельба по очереди, словно кто-то сидел и управлял каждым оружием, расположенным в танке, БМП или бронетранспортере.

Начинали с правого фланга, затем канонада двигалась к левому, где-то в середине снова подключались правый, словно теперь все машины подчинялись одному центру. Но пехота в атаку не шла, а была из автоматов и пулемётов в направлении вершины кургана. Отрабатывали норму, три-четыре очереди – и смена магазина, снова очереди – и снова перемена, и так по кругу. Пули вонзались в твёрдую землю фонтанчиками сухой пыли или вонзались в бетонных советских воинов и изрешечённую стелу, более похожую на рыболовную сеть, выброшенную в воздух, да так и застывшую в нём.

Медведь хотел сменить позицию и побежал к соседней яме, которую заметил несколько минут назад. Увидел воронку со рваными краями, из которой поднимался едкий дым. Не успел прыгнуть в неё – как совсем рядом вздыбилась взрывом земля и командира спиной бросило назад. Осколки не миновали ополченца, несколько из них попали в цель: в живот, в бедро правой ноги, один скользнул по левому плечу и содрал кожу. Сперва Медведь не почувствовал боли, только не очень сильные толчки. Спустя несколько минут горячая волна пробежала по телу, и командир понял, что ранен. Можно было терпеть и не обращать внимания на кровь, текущую по животу и дальше в форменные брюки. Руки двигались, не причиняя особого беспокойства, чего нельзя было сказать о теле. Под рукой оставались несколько запасных магазинов для автомата и заряды для подствольного гранатомёта ГП-30.

Пальцы работали автоматически. Раз – и граната в стволе, два – направил под углом автомат вверх, чтобы дальше летела по пологой траектории, три – нажал указательным пальцем левой руки на спусковой крючок и смертоносное изобретение человека ушло в сторону противника. Там ударились о землю, подскочило на высоту около метра и осыпало лежащих в радиусе пяти метров. Потом всё по новой – и опять заряд летит во врага.

Лех упал рядом.

– Командир, жив?

– Наверное, – громко отозвался Медведь.

– Давай перевяжу.

– Не стоит, – и сплюнул на дно кровью. – Не хотелось каркать, но, видно, мне из боя живым не уйти.

– Брось...

– Не надо, я сам чувствую, – тяжело вздохнул и поморщился (то ли от боли, то ли от мысли), на секунду умолк. – Никогда себя так не чувствовал, даже в Афгане, где в разных перелётах доводилось бывать.

– Может, перевязать всё-таки?

– Не надо. Лучше зарядов для подствольника принёс бы, осталось совсем немного.

– Попробую. Но может быть, с тобой вместе?

– Не надо, я буду тебе обузой. Пристрелят обоих.

Казак змейёй юркнул за стену кафе, вслед за ним Вера. Боеприпасы своей тяжестью придавили бойцов к земле. В голове стучала не просто мысль о том, чтобы не пустить на вершину украинских солдат. Там было упрямство, замешанное на презрительном отношении к смерти. Если отцы и деды полили каждый сантиметр кургана своей кровью и кровью товарищей, то они, нынешнее поколение, стало хуже их, отошедших до Волги и погнавших завоевателей до ворот Берлина.

История повторялась.

Лех вернулся к Медведю не только с запасными зарядами для подствольника, но и с сумкой, в которой находились дезинфицирующие и перевязывающие материалы.

– Давай, командир, не то кровью истечёшь и заражение получишь, без разговоров.

– Лех, они же лезут, – хотел было отмахнуться, но ополченец уже приступил.

– Никуда они не денутся, со страха штаны от земли оторвать не могут. Лежи не двигайся.

Вначале неловкими движениями начал обрезать вокруг ран ткань одежды, потом полил края ран антисептиком.

– Терпи.

Медведь сжал зубы.

Через несколько минут Лех закончил.

– Вот теперь можно и укропами заняться, командир.

Венька натянул пониже кепку, чтобы хоть как-то закрыть уши от нестерпимого шума и воя. Нажимал вначале на курок, как учили, чтобы все пули не улетали в одном залпе.

Раз – и два-три выстрела. Целился во вражеских солдат, как в мишенную фигуру, как во что-то абстрактное и мешковатое, но после того как пули потревожили бруствер в нескольких сантиметрах от лица фонтанчиками пыли, стал более

внимателен и теперь брал на прицел либо тело, либо торчащую небрежно голову. Начал воспринимать украинских солдат, стреляющих в него, не как абстрактного противника, а вполне осязаемого, несущего в магазине его, Венькину, смерть. Несколькими раз казалось, что попал, вывел из строя атакующих, но так и не смог толком уразуметь – правда это или нет.

Страх постепенно улетучивался. Может быть, давала о себе знать усталость, а может быть, просто надоело бояться. Иногда ловил себя на мысли, что нажимает на курок автоматически. Глаза закрыты, а склон кургана перед ними как наяву. Танки, бронетранспортёры, солдаты.

Вчера били почти целый день. Сегодня выстрелы, взрывы, свист пуль, куски бетона объединились и не понять, что где.

В голове Веньки звучала четвёртая часть Третьей симфонии Бетховена, больше известной, как «Героическая». Наполненная победным ликованием мелодия соединяла в едином звучании весь оркестр, словно призывала быть внимательным. Выразительная тема оттенялась мощным пиццикато струнной группы, потом начиналась неторопливая импровизация, переходящая в басы, и только здесь прояснялось, что основная тема финала – совсем иная: певучий контрданс, исполняемый деревянными духовыми. В головокружительно быстрой коде вновь звучали раскатистые пассажи, открывавшие финал. Мощные аккорды завершали праздник победным ликованием, ликованием Венькиных автоматных очередей.

– Что задумался? – склонился почти к самому уху Семёныч.

– А?

– Что задумался, говорю? – повторил вопрос сосед по окопу.

– Музыку слушаю, – ответил почти криком бывший студент, не отрываясь от автомата.

– Музыку? Это как? – изумился Семёныч.

– В голове, – сквозь зубы процедил Венька, на секунду отвлёкся от стрельбы и дотронулся до гранат, лежащих в нише, словно хотел убедиться, что они лежат на месте.

Перед Казаком в стене находилась прямоугольная щель, напоминающая бойницу в крепостной стене. Хотя обзор был ограничен, но часть склона видна. Ополченец ловил на прицел вражеских солдат и плавно нажимал спусковой крючок. Иногда противник дёргался и затихал, а

иной раз менял позицию и отползал в сторону, понимая, что прежнее место засечено сепаратистом и в следующий раз пуля может вонзиться в тело.

Теперь и Вера стрелял не очередями, а одиночными выстрелами. Боеприпасов хватало, не хотелось бить в молоко, если перед ним находились живые цели.

Танки стояли и в упор расстреливали вершину кургана, приседая при каждом выстреле. БМП били калибром поменьше, но довольно часто, потом прекращали огонь: скорее всего, не выдерживали пушки, которые то ли перегревались, то ли их клинило. Стела, прошитая насквозь множеством снарядов, так и стояла, флаг на самом верху так и продолжал развеиваться – пробитый, со следами копоти, с горелыми краями. Назло противнику, которому хотелось во что бы то ни стало сбить стяг с верха. Было видно, как трассирующие пули веером бьют по вершине памятника, расходясь в разные стороны, чтобы огоньки погасли и сгнули с глаз.

К окопу Грузина бежал Голова – высокий, с тёмной щетиной на щеках.

– Куда ты? – Григорий хотел крикнуть, но слова застряли в сухом горле.

79

Голова что-то кричал и размахивал левой рукой, в правой держал автомат. Вдруг он рухнул на колени, резко переломился в пояснице, сделал попытку вновь вскочить на ноги, всё-таки поднялся, закружился на месте. Автомат, как в замедленной съёмке, выскользнул из руки. Голова прижал ладони к левому боку, ткнулся головой в твёрдую землю.

Грузин, оставив гранатомёт на месте, кинулся к Голове, который лежал бездвижно на животе. Метрах в ста дымился подбитый бронетранспортёр, через минуту взорвавшийся оранжевой вспышкой. Георгий видел, как материя куртки мгновенно пропиталась кровью, отяжелевшая ткань плотно прилегала к животу. Грузин ножом вспорол куртку раненого от воротника до низу. На обнажившемся теле ополченца чуть повыше ремня виднелась пульсирующая, бьющая кровью рана. Голова сжал пальцы, загребая в них мелкие камешки, выгнулся дугой, и когда из губ показались пузыри красной до черноты крови, затих.

– Глупо, – прошептал самому себе Грузин и, не обращая внимания на свистящие над ним пули, поволок тело Головы в окоп. Там прислонился спиной к земляной стене, опять прошептал: – Глупо. На ровном мэстэ.

Темнота наступила резко, словно в комнате нажали на электрический выключатель и лампочка погасла. Заурчали двигатели танков, бронетранспортёров и БМП. Ополченцы приготовились к очередной атаке, но ждали напрасно. Видимо, не были шуткой слова, что вражеская армия переняла воинские традиции фашистского войска. Укатали на ужин и сон.

Медведь послал Леха проверить, сколько осталось ополченцев, имеющих возможность держать оружие в руках. Оказалось, только восемь человек. На Веньке не было ни единой царапины, остальных задело, но вскользь. Убитых унесли в кафе, которое теперь стало местом упокоения бойцов. Вот чего хватало – так это боеприпасов.

Командир распорядился, чтобы не смыкали глаз. Под покровом темноты украинцы могли подобраться ближе и забросать гранатами оставшихся бойцов.

Медведь унести себя с позиции не позволил:

– Ребята, не старайтесь. Меня с места не сдвинете, – с иронией посмеивался командир, произнося слова сквозь мелкий кашель. – Принеси, Лех, лучше патронов. И передай нашим, чтобы выслали подкрепление, не сдюжим мы против этой армады.

– Сейчас передам, – кивнул Лех.

Но не успел он отойти на пару шагов, как что-то заставило повернуть назад, склониться над Медведем. Тот в последний раз взглянул на ополченца, больно сдавив его руку, и отчётливо проговорил:

– Как же их много!

Пальцы ослабли, и голова склонилась на правое плечо.

Командир не дышал.

Лех прикрыл глаза Медведю, смахнул со своих выступившие капли и двинулся к оставшимся бойцам.

Ночь вступала в свои законные права. По небу лениво скользили тёмные разрозненные облачка, иногда закрывая собой отсвечивающую серебряным светом луну. Перед курганом догорали подбитые машины. Эта сюрреалистическая картина сопровождалась иногда треском или шуршанием.

Венька сидел, опершись спиной о шершавую стену.

– Командир... – сказал Лех и не стал продолжать.

Семёныч снял головной убор, бывший студент встал за ним стащил свой.

– Кто теперь? – на скулах Семёныча играли желваки, он не мог выговорить «старший».

– Угорь.

– Понятно, – немного помолчал и спросил: – Подкрепление будет?

– Обещали, – после некоторой паузы Лех добавил: – Но после Авдеевки, я думаю, навряд ли.

– Дела, – выговорил Венька. – Скажите мне, отчего укропы нас в кольцо не взяли?

– Тебе не понятно?

– Не-а.

– Они же себя же начнут бить.

– Как это?

– Веня-Веня, сразу видно в тебе гражданского человека. Вот представь круг и проведи в нём в разных направлениях через центр линии. Они же соединят окружность, а значит, все снаряды и пули, которые в нас не попали, будут бить по своим.

– Понятно, – выдохнул бывший студент, – а я-то...

Где-то внизу послышалось шуршание, совсем тихое. Складывалось впечатление, что идёт группа, стараясь не шуметь. Спустя несколько секунд на фоне неба показались тёмные силуэты.

– Стой!

Фигуры замерли.

– Кто идёт? – негромко, но и не очень тихо сказал Лех.

– Свои, – прозвучал глухой голос.

– Кто свои?

– Восток, – послышался неуверенный тон.

– Какой? – Лех понял, что это не подкрепление, а украинское подразделение.

– Сказано ж, свои, – снова послышалось шуршание травы, незнакомцы приблизились на пару шагов.

Венька выглянул из-за бруствера, Семёныч с другой стороны. Предательская луна как специально освещала участок обороны и группу солдат.

Кто-то не выдержал и наглым голосом с фырканьем произнёс:

– Выходь, або стреляю, та сюды командыра давай.

– Гады, – прохрипел Венька и нажал на спусковой крючок. Автомат затрещал, и пули веером полетели в противника. Кто-то хрюкнул, заблуждал, словно кровь пошла горлом. Семёныч

со своей стороны дал очередь. Послышались удаляющиеся шаги. На земле остались лежать несколько чёрных, напоминающих брошенные мешки тел.

Спустя полминуты со стороны противника послышался отборный мат на русском языке и плотный пулемётный в сочетании с автоматным огнём.

– Полезли всё-таки, не утерпели, – сквозь зубы проговорил Лех, – меняйте позицию, они по вспышкам засекали.

Самый сложный бой – ночной. По существу, это битва одиночек, когда власть солдата не ограничена, когда решают исход смелость, чуткость, находчивость, собственная инициатива и самое главное – инстинкт. Здесь нет азарта дневной атаки, нет чувства, когда рядом ощущаешь присутствие собрата по оружию.

Пули свистели над самой головой.

Венька бросил одну за другой несколько гранат. Дёргал за чеку и кидал через бруствер вниз по кургану, насколько хватало сил. Прикрывал рукой глаза, чтобы не ослепнуть на несколько таких важных минут. Казалось, украинцы уже у самых окопов, оборонительных сооружений. Они кричали больше утробным воем, чем словами. Кто-то навалился на бывшего студента. Венька отпрянул и с размаху ударил вроде бы по голове нападающего гранатой. Автомат был где-то рядом, но чтобы его найти, надо опуститься и пошарить руками по земле. Больше у бывшего студента ничего нет. Венька не видел, но чувствовал, как кто-то грузно осел на дно окопа. Гранаты оказались под рукой, и смертельные заряды снова полетели во врага.

Неожиданно ударило по глазам вспышкой, комьями сухой земли и камнями. Венька очнулся от резкой боли в правой руке. Тошнота подступала к горлу, обожжённому сухостью. До того хотелось пить, что, казалось, язык прилип к нёбу, распух до невероятных размеров. Было больно глотать. Бывший студент сумел приоткрыть глаза. Вокруг летали разноцветные круги (сначала они двоились, потом начали троеиться), раскачивались и плыли куда-то вверх, к сияющему месяцу. Прежде чем вновь закрыть глаза, Венька услышал голос Семёныча.

– Слава Богу, жив. Кажется, только руку задело.

– Родился парень в рубашке.

Слова Леха звучали странно, но только потом, когда сознание начало проясняться, Венька

понял, как ему повезло. Рядом взорвалась граната, и только один осколок вонзился в руку чуть выше локтя, остальные пролетели мимо.

– Повезло.

Противник откатился волной назад и залёг тихо, почти не дыша.

Наступила тишина.

Наум замер. Боль не отступала и притупляла мысли. Ополченец лихорадочно вспоминал, где положил автомат. Ни под собой, ни на себе, ни рядом не ощущал. Потом вдруг озарило, что возле двери видел простые гранаты с рифлёной почти квадратной насечкой. Подошёл к выходу и только сейчас обратил внимание, что вдоль стен укрытые брезентом лежат предметы, похожие на мешки. Покачал головой: «Это же убитые!»

– Эх, садануть бы сейчас по ним! – мучился Наум. – Я бы вам показал хрущёвскую кузькину мать!

Сквозь щель в двери он увидел подходящие к кафе силуэты.

Сжал гранату до хруста в пальцах. Второй рукой выдернуть чеку было затруднительно, поэтому приготовился рвануть зубами.

«Один раз живём, один, – билось в висках. – Они тоже один, зато...»

Дёрнул чеку – зубы сорвались с металла. Хотел второй раз, но от двери раздался шёпот. Наум узнал Леха.

– Есть кто живой?

– Почти, – с облегчением выдавил из себя Наум.

– А ты?

Лех промолчал, потом точно так же тихо добавил:

– Командир погиб.

– Недолго и нам осталось, – Наум с трудом держался на ногах.

– Не каркай, я ещё во Львов хочу войти с нашим знаменем.

– Подкрепление будет?

– Спроси что-нибудь полегче.

– Кто за старшего?

– Угорь.

– Толковый малый, но горячий. Сколько наших осталось?

– Восемь.

– А остальные? – изумился Наум.

– Половина раненых, половина... двухсотых, – не смог произнести «убитых».

Угорь, принявший командование на себя, находился в стеле с тремя бойцами, когда на вершину, громыхая гусеницами, ворвались три танка, бронетранспортёр и БМП. Вначале показалось, что вот и наступил последний час. Пользуясь темнотой, новый командир приказал покинуть памятник и спуститься к кафе. Сам же вызвал штаб по радиации, которая уцелела в окопе Медведя.

– Сокол, я Угорь, Сокол, я Угорь.

Сквозь треск помех послышался осипший голос.

– Угорь, я Сокол. Приём.

– Я Угорь, приём.

– Угорь, что с Медведем?

– Двести.

На том краю молчание, потом вопрос.

– Сколько осталось?

Угорь понял, что вопрос об уцелевших.

– Восемь. На вершине укроповские танки, поэтому цель – стела. Просим огонь из всех орудий.

– Угорь, вы...

Командир не дал договорить:

– Огонь, ориентир стела.

– Угорь, тебя понял.

– Сокол, ждём гостей, приём.

– Приём.

Спустя полминуты раздался треск и тот же осипший голос сказал:

– Угорь, это Сокол, приём!

– Я Угорь.

– Просим подтверждения ранее переданной информации.

– Сокол, я Угорь, ориентир – стела, огонь из всех орудий. Приём.

– Угорь, я Сокол, подтверждение принято.

Через несколько минут по вершине кургана заработали миномёты – сперва как-то лениво, словно ощупывали территорию вокруг стелы или боялись задеть оставшихся ополченцев. Потом заговорили орудия системы «Град». То ли стела уже давно была под прицелом, то ли управляли хорошие специалисты, но ракеты легли на указанной площади, ополченцы едва успели спрятаться в окопах. Угорь нырнул на дно укрытия. Взрыв раздался рядом, в нескольких метрах, осколки разлетелись, земля засыпала с головой.

Нынешний командир и вправду получил свой позывной от морской рыбы, юркой и быстрой. Вынырнул и сразу же сказал, отплёвываясь от въедливой пыли:

– Вот это хорошо накрыли! Прямо по головам!

Обстрел продолжился, опять полетели мины, потом осколочно-фугасные, а в завершение – «Грады». Украинские солдаты прятались под своими бронированными монстрами.

Через несколько часов канонада прекратилась и Угорь услышал панический голос:

– Командыр, пора ноги робыты, поляжем вси тут.

– Техника цела?

– Ни, всэ трэбуе рэмонту.

Возле техники началась суета, из повреждённых БМП и бронетранспортёра сливали дизельное топливо, чтобы можно было с вершины увезти хотя бы танки, забирали оставшийся боекомплект.

Угорь молил Бога, чтобы не заработала радиация и не выдала ополченцев.

Взрели двигатели – и танки, выплюнув дымовые облачка, сперва задним ходом, а потом, развернувшись, укатили вниз к своим войскам.

Сердце Веньки не могло успокоиться, билось, словно молот в кузнечном цехе. В потной руке он сжимал гранату и готов был при приближении вражеских солдат сорвать чеку. «Погибать, так с музыкой», – никакая другая мысль в голову не приходила. В батальоне как-то рассказали, что украинские солдаты в плен берут с большой неохотой, да и то, чтобы из ополченца сделать мишень. Так в их мозги вошла майдановская фраза: «Москаляку – на гиляку», ведь националистические организации, заполучившие силовым путём оружие в воинских частях, не спешили это самое оружие отдавать обратно. Самый простой способ – направить отряды на борьбу с сепаратистами, а потом, рассчитывала новая власть, видно будет, что делать с неонацистами.

Угорь связался со штабом и доложил, что укрытия эвакуировались и без помощи удержать высоту будет невозможно. Осталось всего восемь человек, способных держать оружие в руках. Потом с горечью в голосе добавил, что семь. Вспомнил, что Венька не сможет вести полноценно бой и отбивать вражескую атаку.

Угорь прошёл по окопам и укреплениям, чтобы убедиться, не вышел ли кто ещё из строя. Но оказалось, ни один снаряд, ни одна мина, ни одна ракета «Града», ни один осколок не задел ополченцев, что само по себе было чудом.

– Думаю, до утра эти, – Угорь кивнул головой в сторону украинских частей, – не сунутся. Полу-

52

чили по полной. Можете немного отдохнуть, но вполглаза, бдительности не терять.

И действительно, до восхода солнца наступила звенящая тишина, не пели птицы, не ревели двигатели машин, не лязгал металл. Видимо, взсэушные начальники склонились над картами и мыслили, каким способом выкурить с вершины господствующего кургана этих «клятых москалей-ополченцев».

Но в седьмом часу заговорили установки советских времён, под названием НОУы. Скорее всего, противник осознал, что засевшие на кургане люди имеют прямую связь с артиллерией, способны работать наблюдателями и наводчиками. И действительно, после начала обстрела

укропы получили ответные удары. Начался теперь ад не только для ополченцев, но и для регулярных частей украинской армии.

С некоторым удовлетворением, поддерживая раненую руку, Венька наблюдал, как ракеты «Град» кучно ложатся среди скопившейся техники. Люди размером с муравьёв метались, пытались спрятаться от смертоносных осколков. Боль заглушала одна только мысль: «Я живу на родной земле, здесь родился и вырос, здесь росли мои родители и родители их родителей, здесь босоногим мальчуганом бегал тайком на ставок, в первый раз влюбился, начал изучать русский алфавит и складывать буквы в слова, а зачем пришли вы, чужие люди? Кто вас сюда звал?»

